

Научная статья

УДК 81-22, 81'23

DOI: 10.18384/2949-5075-2025-1-37-50

ЛЕКСИКО-МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА МАНИПУЛИРОВАНИЯ В АНТИРОССИЙСКОЙ ПРОПАГАНДЕ

Кузнецова Ю. А.*, Князева Е. Г., Шермазанова С. В.

Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

**Корреспондирующий автор, e-mail: yulya.perekhod@mail.ru*

Поступила в редакцию 21.10.2024

Принята к публикации 28.10.2024

Аннотация

Цель. Выявить и проанализировать средства речевого воздействия в антироссийской пропаганде в западных и украинских СМИ на лексическом и морфемном уровнях языковой иерархии.

Процедура и методы. В настоящем исследовании использован дискурс и контент-анализ текстов статей СМИ на английском, немецком и украинском языках. Методом сплошной выборки выявлены лексико-морфологические средства манипулирования в антироссийской пропаганде. Методы лингвистического описания и структурно-семантического анализа применяются в качестве приёмов исследования манипулятивного потенциала пропагандистских речевых средств.

Результаты. По итогам исследования сделан вывод о наиболее частотных и эффективных средствах речевого воздействия в антироссийской пропаганде.

Теоретическая и практическая значимость заключается в раскрытии воздействующего потенциала речевых единиц в рамках представленных языковых уровней в применении к актуальной политической ситуации, что может послужить для формирования методики по выявлению речевых средств воздействия и их дальнейшему использованию, а также для разработки контрмер против антироссийской пропаганды, распространяемой странами Запада и Украиной с целью дискредитации России на мировой арене.

Ключевые слова: информационная война, пропаганда, речевое воздействие, языковая иерархия, языковой уровень

Для цитирования:

Кузнецова Ю. А., Князева Е. Г., Шермазанова С. В. Лексико-морфологические средства манипулирования в антироссийской пропаганде // Вопросы современной лингвистики. 2025. № 1. С. 37–50. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-1-37-50>.

Original research article

LEXICO-MORPHOLOGICAL MEANS OF MANIPULATION IN ANTI-RUSSIAN PROPAGANDA

Yu. Kuznetsova*, E. Knyazeva, S. Shermazanova

Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

**Corresponding author, e-mail: yulya.perekhod@mail.ru*

Received by the editorial office 21.10.2024

Accepted for publication 28.10.2024

Abstract

Aim. To identify and analyze the means of speech influence in anti-Russian propaganda in the Western and Ukrainian media at the lexical and morphemic levels of the linguistic hierarchy.

Methodology. The study comprises the discourse and content analysis of the texts of media articles in English, German and Ukrainian languages. The continuous sampling method reveals linguistic means of manipulation in anti-Russian propaganda at the lexical and morphemic levels. The methods of linguistic description and structural and semantic analysis are used as techniques for studying the manipulative potential of propaganda speech means.

Results. The results of the study have revealed the most frequent and effective means of speech influence in anti-Russian propaganda.

Research implications. The study reveals the influencing potential of speech units within the framework of the presented language levels as applied to the current political situation, which can serve to develop a methodology for identifying speech means of influence and their further use as well as the development of countermeasures against anti-Russian propaganda spread by the Western countries and Ukraine in order to discredit Russia on the world stage.

Keywords: information warfare, propaganda, speech influence, language hierarchy, language level

For citation:

Kuznetsova, Yu. A., Knyazeva, E. G. & Shermazanova, S. V. (2025). Lexico-morphological means of manipulation in anti-Russian propaganda. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 1, 37–50. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-1-37-50>.

Введение

Сегодня странами Запада против России развёрнута активная информационная война (далее – ИВ), которая задействует всё более агрессивные технологические и психологические методы воздействия. Такие методы требуют детального научного осмысления, что и порождает интерес к данному явлению в рамках различных научных областей.

Для настоящей статьи интерес представляет информационно-психологическая война, которая является объектом

лингвистических исследований, так как ключевыми средствами ведения такого типа войны служат речевые стратегии и тактики психологического воздействия.

В качестве материала исследования были выбраны и подвергнуты дискурсу и контент-анализу 30 статей СМИ за период с 24 февраля 2022 г. по 12 августа 2024 г. на английском, немецком и украинском языках (*The Guardian*¹, *Daily*

¹ The Guardian [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com> (дата обращения: 10.08.2024). Далее – The Guardian.

*Mail*¹, *The Independent*², *BBC News*³ – на английском языке; *Die Zeit*⁴, *Der Tagesspiegel*⁵, *Bild*⁶, *Der Spiegel*⁷ – на немецком языке; *ТСН*^{*8}, *Українська правда*⁹, *Уніан*¹⁰ – на украинском языке), связанные со специальной военной операцией (далее – СВО), проводимой Вооружёнными Силами Российской Федерации на территории Украины. При исследовании посредством метода сплошной выборки были отобраны и распределены по лексическому и морфемному уровням языковой иерархии 35 примеров языковых средств воздействия. При работе с отобранными речевыми средствами применялись следующие методы: метод структурно-семантического анализа, позволивший дифференцировать речевые средства воздействия по указанным уровням языковой иерархии; метод лингвистического описания, посредством которого проводилась интерпретация фактического материала исследования.

Информационная война с точки зрения лингвистического подхода

А. Д. Васильев и Ф. Е. Подсохин обосновывают лингвистическое понимание ИВ с точки зрения двух ключевых направлений: 1) структурно-методологического, рассматривающего ИВ в качестве совокупности информационных воздействий и изучающего структуру и методологию существующих и потенциально возможных актов коммуникации, а также реализующего дискурс-анализ и контент-анализ; 2) семантического, в рамках которого проводится анализ языковых приёмов и средств реализации манипулятивных интенций автора [1, с. 14].

В рамках структурно-методологического направления основными понятиями являются текст и дискурс.

В современной лингвистике мнения относительно определения понятия «текст» расходятся. Так, ряд учёных (Т. ван Дейк, И. Г. Гальперин и др.) определяют текст как последовательность предложений, имеющих макроструктуру, т. е. структуру, позволяющую тексту существовать как единое целое. Исследователи, которые рассматривают текст как совокупность взаимосвязанных единиц, допускают наличие между такими единицами лексической, грамматической, логической и стилистической связи. Другие лингвисты (Дж. Л. Остин, Ю. Д. Апресян и др.) полагают, что текст неотделим от коммуникативной ситуации, в которой он производится, что указывает на его функциональную направленность. Такой подход к определению текста стал одним из ключевых в лингвистической теории текста и позволил не только классифицировать коммуникативные единицы, из которых состоит текст, но и описывать, какие коммуникативно-прагматические функции они могут выполнять. Это обусловило переход от чисто лингвистического понимания текста к коммуникативному как к инструменту создания смысла.

¹ Daily Mail Online. URL: <https://www.dailymail.co.uk> (дата обращения: 10.08.2024). Далее – Daily Mail.

² The Independent [Электронный ресурс]. URL: <https://www.independent.co.uk> (дата обращения: 10.08.2024). Далее – The Independent.

³ BBC News [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/news> (дата обращения: 10.08.2024). Далее – BBC News.

⁴ Die Zeit [Электронный ресурс]. URL: <https://www.zeit.de> (дата обращения: 10.08.2024). Далее – Die Zeit.

⁵ Der Tagesspiegel [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tagesspiegel.de> (дата обращения: 10.08.2024). Далее – Der Tagesspiegel.

⁶ Bild [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bild.de> (дата обращения: 10.08.2024). Далее – Bild.

⁷ Der Spiegel [Электронный ресурс]. URL: <https://www.spiegel.de> (дата обращения: 10.08.2024). Далее – Der Spiegel.

⁸ ТСН [Электронный ресурс]. URL: <https://tsn.ua> (дата обращения: 10.08.2024). Далее – ТСН.*Внесён в реестр запрещённых сайтов Роскомнадзора.

⁹ Українська правда [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravda.com.ua/> (дата обращения: 10.08.2024). Далее – Українська правда.

¹⁰ УНІАН [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unian.net> (дата обращения: 10.08.2024). Далее – УНІАН.

Выявленный антропоцентризм в трактовке понятия текста подчёркивает значимость коммуникативных, социокультурных и когнитивных факторов в процессе создания и осмысления текста, что приводит к сближению понятия «текст» с понятием «дискурс».

О. И. Калинин приводит определение дискурса Н. Д. Арутюновой и отмечает, что дискурс – «это связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное воздействие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [2, с. 28].

Опираясь на утверждение С. Л. Кушнерук, М. В. Приходько и О. И. Калинин подчёркивают, что дискурс характеризуется двойственной природой [2, с. 24]. Прежде всего, дискурс отражает объективный мир, «создаёт репрезентацию реальности, является не каналом передачи информации, но механизмом, который конструирует социальный мир» [3, с. 48].

По нашему мнению, для более точного понимания структуры сообщений ИВ стоит обратиться к минимальным единицам, составляющим текст и дискурс. Анализом таких единиц занимается семантическое направление.

Семантическое направление представлено исследованиями, посвящёнными лингвистическому и лингвопрагматическому анализу языковых средств, позволяющим проводить классификацию языковых средств и методов воздействия в текстах ИВ, анализировать речевые стратегии и тактики, а также описывать содержание и способы реализации коммуникативной интенции.

Лингвистический анализ обуславливает изучение особенностей использования «отдельных слов, форм, грамматических категорий, различных

частей речи, синтаксических конструкций как единиц языка» [4, с. 42].

В рамках лингвопрагматики в дискурсе ИВ анализируется прагматический потенциал единиц речевого воздействия. Так, по мнению А. Г. Диттрих, функциональная лингвопрагматика изучает «предуманный выбор слов, выражений, предложений, которые использует говорящий в речевом общении, то есть изучается речевая деятельность» [5, с. 48], в то время как скрытая лингвопрагматика подвергает исследованию «неосознаваемый, автоматический, привычный и мгновенный выбор слов, выражений и предложений, которые употребляет говорящий в речевом общении», под которым автор понимает речевое поведение [5, с. 48]. Основными формами реализации речевой деятельности и речевого поведения служат речевые стратегии и тактики, которые выбирает автор информационного сообщения с целью достижения намеченной коммуникативной цели.

Очевидно, что в основе любой речевой стратегии и тактики лежит общая модель речевого акта.

Вслед за Дж. Л. Остином Е. Г. Князева предлагает следующее описание модели речевого акта: «говорящий произносит членораздельные звуки, принадлежащие общепонятному языковому коду; строит высказывания из слов данного языка по правилам его грамматики; снабжает высказывание смыслом и референцией, т. е. соотносит с действительностью, осуществив речение (*locution*); придаёт речению целенаправленность, благодаря которой оно превращается в иллокутивный акт (*illocutionary act*); воздействует на сознание или поведение адресата, создавая новую ситуацию (*perlocution*)» [6, с. 121].

О. С. Иссерс утверждает, всякий речевой акт имеет определённые неречевые цели, которые «в конечном счёте, регулируют деятельность собеседника» [7]. Речь идёт о речевом воздействии, которое связано с целевой установкой говорящего и направлено на регуляцию физической и

интеллектуальной деятельности собеседника.

По мнению В. В. Барбун, речевое воздействие – это способность человека передавать свои мысли и эмоции посредством лингвистических единиц и свойств языка. Автор отмечает, что речевое воздействие обладает двумя основными характеристиками: «1) направленность на реципиента; 2) наличие интенции и ожидаемого прагматического эффекта» [8].

Так, одной из ключевых целей современной информационной войны является речевое воздействие.

Мы полагаем целесообразным рассмотрение средств языкового воздействия и манипулирования с точки зрения двух уровней языковой иерархии: лексического и морфемного.

Стоит отметить, что язык представляет собой сложную иерархически выстроенную систему элементов, обладающих одним и тем же комплексом категориальных свойств, который служит для объединения этих элементов в единый языковой уровень. Так, Д. С. Коршунов, опираясь на исследования В. М. Солнцева, выделяет три уровня системы языка: фонемы, морфемы, слова, – и два уровня речевой системы: слова и предложения [9, с. 64]. Автор утверждает, что разделение уровней по двум системам основывается на признаке воспроизводимости единиц, входящих в их состав, в готовом виде.

Так, лексический уровень представлен номинативными языковыми единицами, которые выражают конкретное значение и, кроме того, могут придавать дополнительную коннотацию обозначаемому явлению в рамках определённого контекста.

Морфемный уровень языковой иерархии образован морфемами, которые представляют собой минимально значимые единицы языка, входящие в состав слова. Р. М. Салимова подчёркивает, что морфема содержит значение, но оно является сигнификативным [10, с. 18].

Речевые средства воздействия на лексическом уровне

Одними из наиболее частотных средств речевого воздействия являются средства лексического уровня языковой иерархии. Применение различных лексических средств обуславливает реализацию воздействия на картину мира реципиента посредством имплицитного или эксплицитного выражения оценки описываемых событий или субъективного мнения автора сообщения.

Лексические средства воздействия в анализируемых статьях СМИ на английском, немецком и украинском языках представлены следующими группами: эвфемизмы и дисфемизмы, перифраза, слова с оценочной, экспрессивной, эмоциональной или стилистической коннотацией.

Эвфемизмы представляют собой субституты, т. е. замены грубых слов на нейтральные, тогда как дисфемизмы – это слова, запрещённые обычаем или приличием, используемые вместо слов с нейтральной коннотацией. А. Р. Дяттерева и М. А. Осадчий считают, что оба средства основаны на приёме гиперболизации, но нацелены на реализацию диаметрально противоположных функций: эвфемизация обуславливает «уклонения от этических и правовых рисков, затемнение денотата, манипуляцию ценностными установками говорящего и слушающего, сокрытие за прямой номинацией разоблачительного контекста», в то время как дисфемизация, напротив, эксплицирует «отрицательные и пейоративные оценки» [11, с. 130].

В статье BBC News, посвящённой подрыву Крымского моста силами украинской армии, был использован следующий пример эвфемизма:

Пример 1. *“Moscow has blamed Ukraine for the **incident** – which left two people dead – but Kyiv has not officially said it was **responsible**”*¹ («Москва обвинила Киев в

¹ Radford A., Armstrong K. Ukraine war: Vladimir Putin vows response after 'terrorist' attack on Crimea

этом **инциденте**, который стал причиной смерти двух человек, но Киев официально не подтвердил свою ответственность¹»).

Реализация эвфемизма *incident* «инцидент» с нейтральной коннотацией, имеющего значение «необычное или неприятное событие», в данном контексте обуславливает тот факт, что авторы статьи принимают сторону официального Киева относительно ответственности за совершение атаки на Крымский мост. Данная единица служит для подачи информации в более мягком ключе, а также для сокрытия агрессивных действий Украины на территории Российской Федерации.

В статьях СМИ на немецком языке также использован ряд эвфемизмов, которые служат для сокрытия неправомерных действий украинского и западного правительств в отношении России и обуславливают реализацию манипулятивных речевых стратегий в медиа-дискурсе:

Пример 2. *“Ukrainische Truppen sind weit in russisches Gebiet vorgerückt. Das überraschende Kursk-Manöver hat auch in Berlin für Aufsehen gesorgt”*² («Украинские войска продвинулись вглубь российской территории. Неожиданный **курский манёвр** вызвал переполох в Берлине»).

Эвфемизм *Kursk-Manöver* «Курский манёвр» является авторским неологизмом и использован в качестве замены для описания незаконного вторжения украинских войск на территорию Российской Федерации в Курской области. Слово *Manöver* в описанном контексте имеет нейтральную коннотацию и зна-

чение «умело выполненное тактическое движение»³, что обуславливает намерение автора преподнести информацию в нейтральном ключе.

Наиболее частотно эвфемизации в немецких СМИ подвергаются наименования украинской армии, украинского правительства, а также действия западных стран в отношении военной помощи Украине после начала СВО: *Abwehrkrieg gegen Russland* «оборонительная война против России», *anti-russischer Abwehrkampf* «антироссийская оборонительная кампания» – служат для оправдания действий украинской армии в отношении России; *die Unterstützung der Ukraine* «поддержка Украины» – применяется относительно поставок западного оружия на Украину.

В украинских СМИ тенденция применения эвфемизмов для описания действий украинских военных сохраняется:

Пример 3. *«Нагадаємо, 22 липня 2023 року стало відомо, що ЗСУ ліквідували російського пропагандиста Ростислава Журавльова»*⁴ («Напомним, 22 июля 2023 года стало известно, что ВСУ **ликвидировали** российского пропагандиста Ростислава Журавлёва»).

Эвфемизм *ліквідувати* «ликвидировать» является в данном контексте заменой слова «убить». Применение указанного эвфемизма обуславливает стремление автора статьи уменьшить психоэмоциональную нагрузку на реципиента и создать нейтральный фон передаваемой информации.

К дисфемизмам в статьях СМИ на английском, немецком, украинском языках относятся те, с помощью которых авторы стремятся выразить субъективно негативное отношение к сторонам конфликта

bridge // BBC News. URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-66218869> (дата обращения: 10.08.2024).

¹ Здесь и далее перевод авторов статьи – Ю. К., Е. К., С. Ш.

² *Ukrainischer Vorstoß auf Kursk laut Ampel geheim und ohne Rückkoppelung geplant* // Der Spiegel. URL: <https://www.spiegel.de/ausland/kursk-ukrainischer-vorstoss-laut-ampel-geheim-und-ohne-ruecksprache-geplant-a-1fa482ea-3730-4303-9e3f-049d1b54b332> (дата обращения: 10.08.2024).

³ *Manöver* [Электронный ресурс] // Duden: [сайт]. URL: <https://www.duden.de/rechtschreibung/Manoever> (дата обращения: 10.08.2024).

⁴ Бойко М. ЗСУ ліквідували кадирівського пропагандиста "Карлсона", який воював проти України // ТСН. URL: <https://tsn.ua/ato/zsu-likvidovali-kadirivskogo-propagandista-karlsona-yakiy-voyuvav-proti-ukrayini-2378464.html> (дата обращения: 10.08.2024).

или к политической элите противоборствующей стороны.

Так, в статье издания The Guardian, посвящённой выходу России из Черноморской зерновой сделки, автор использует дисфемизм для описания СВО ВС РФ:

Пример 4. *“Before Russia’s war of aggression, Ukraine was a critical global food supplier: a fifth of the world’s barley came from Ukraine, as well as a sixth of the maize and an eighth of wheat”*¹ («До начала **агрессивной войны России**, Украина была важнейшим мировым поставщиком продовольствия: пятая часть мирового ячменя поступала из Украины, а также шестая часть кукурузы и восьмая часть пшеницы»).

Указанный пример дисфемизма служит для субъективного негативного описания ситуации и способствует созданию и поддержанию негативного образа России как страны-агрессора, совершившей нападение на территорию Украины.

Немецкая электронная газета Die Zeit также поддерживает антироссийскую пропаганду с помощью различных дисфемизмов. Так, в статье, описывающей празднование Дня Победы в Москве, а также выступление Президента России В. В. Путина по случаю празднования Дня Победы, автор использует приём дисфемизма для того, чтобы описать вхождение полуострова Крым в состав Российской Федерации в 2014 г.:

Пример 5. *“Putin nutzt das Gedenken an die Toten des Zweiten Weltkrieges seit Jahren für eine Inszenierung seiner außenpolitischen Vorstellungen und hat es vor allem seit der **Annexion der Krim** 2014 zunehmend zur Projektionsfläche für antiukrainische und antiwestliche Parolen umgestaltet”*² («Путин уже много лет использует мемориал памяти погибших во Второй мировой войне

для демонстрации своих внешнеполитических идей и, особенно после **аннексии** Крыма в 2014 году, всё чаще превращает его в площадку для проецирования антиукраинских и антизападных лозунгов»).

Дисфемизм *der Annexion* «аннексия» в немецком языке имеет значение «насилъственная, незаконная оккупация, присвоение, захват государственной территории»³, что обуславливает его использование в антироссийской пропаганде с целью создания экспрессии и выражения резко отрицательной оценки ситуации. Стоит отметить, что в западных и украинских СМИ дисфемизм «аннексия» в отношении присоединения Крыма к территории РФ является одним из наиболее частотных средств речевого манипулятивного воздействия.

В украинских СМИ приём дисфемизации получает широкое распространение в отношении действий ВС РФ на территории Украины в рамках СВО и политического управления России, в частности личности и политической деятельности Президента РФ В. В. Путина:

Пример 6. *«Триває повномасштабна війна в Україні, і РФ зосередила біля нашого кордону та на поки що окупованих територіях близько 550 тисяч **загарбників**»*⁴ («Продолжается полномасштабная война на Украине, и РФ сосредоточила возле нашей границы и на пока ещё оккупированных территориях около 550 тысяч **захватчиков**»).

Так, слово *загарбник* имеет в украинском языке значение «тот, кто насильно захватывает чужую территорию, поработывает другие народы»⁵. При помощи дан-

¹ Putin is using food as a weapon – but his cynical attempts to drum up forced allies will fail // The Guardian. URL: <https://clck.ru/3KYV3L> (дата обращения: 10.08.2024).

² Eydlin A. Wladimir Putin wirft dem Westen "echten Krieg" vor // Die Zeit. URL: <https://clck.ru/3KYWN7> (дата обращения: 10.08.2024).

³ Annexion [Электронный ресурс] // Duden: [сайт]. URL: <https://www.duden.de/suchen/dudenonline/der%20Annexion> (дата обращения: 10.08.2024).

⁴ Присяжнюк К. Скільки російських загарбників в Україні та на кордоні: ЗМІ дізналися число від ГУР // УНІАН. URL: <https://clck.ru/3KYWEt> (дата обращения: 10.08.2024).

⁵ См.: Загарбник // Великий тлумачний словник сучасної української мови (з дод. і допов.) / Уклад., голов. ред. В. Т. Бусел. Київ; Ірпінь: ВТФ «Перун», 2005. С. 383.

ного дисфемизма автор статьи обозначает армию России в негативном ключе, что соответствует общему негативному тону пропагандистских нарративов украинских СМИ, а также позволяет идентифицировать российскую армию как тех, кто пришёл захватывать территории суверенного государства. Это обуславливает манипулятивное воздействие и оправдывает любые дальнейшие действия ВС Украины по защите своих территорий.

Широкое использование приёмов эвфемизации и дисфемизации в статьях СМИ, посвящённых СВО ВС РФ на территории Украины, обуславливает стремление авторов оказывать воздействие на сознание реципиентов в процессе манипулирования общественным мнением. Реализация эвфемизмов в отношении действий ВС Украины и её западных союзников способствует созданию образа «Украина-жертва», а также оправданию действий западных стран. В то же время многочисленные приёмы дисфемизации для описания действий ВС РФ и политической власти России доказывают стремление западных и украинских СМИ демонизировать Россию и поддерживать образ «Россия-враг».

Следующим по частотности средством речевого воздействия в анализируемых статьях СМИ является перифраза. В. П. Москвин под перифразой понимает «описательный оборот, образуемый для замены какого-либо общепринятого наименования» [12, с. 75]. Описывая перифразу с точки зрения её оценочного компонента, Т. В. Лыскова утверждает, что в текстах СМИ перифразы выступают в качестве манипулятивного средства воздействия и реализуют одну из оценочных функций: комплиментарную, ироническую или порицательную [13].

Оценочные перифразы, выделенные в текстах СМИ на английском, немецком и украинском языках, посвящённых СВО ВС РФ на территории Украины, выражают негативное отношение к описываемо-

му объекту или событию, что превращает их в форму речевой агрессии.

Так, перифразы *the tsar* «царь», *murderous autocrat* «кроважадный тиран», *der Kremlchef* «кремлёвский босс», *der Kriegstreiber* «разжигатель войны» выражают речевую агрессию, направленную против Президента России В. В. Путина и являются действующими инструментами ведения антироссийской пропаганды в западных СМИ.

Пример 7. *“Sie konnten Viktor Orbáns Alleingang nicht verhindern, umso größer ist die Empörung der europäischen Staatsoberhäupter über die Russlandreise des ungarischen Premiers. Der Besuch bei “Kriegstreiber” sei eine Schande”*¹ («Они (другие главы государств ЕС – прим. авторов статьи – Ю. К., Е. К., С. Ш.) не смогли помешать Виктору Орбану действовать в одиночку, что усиливает возмущение глав европейских государств поездкой венгерского премьер-министра в Россию. Визит к «поджигателю войны» – это позор»).

В украинских СМИ в большей степени распространены манипулятивные перифразы, которые служат для наименования России и Вооружённых Сил РФ, а также для обозначения политических лидеров и управления страны: *окупанти* «оккупанты», *нацисти* «нацисты», *країна-агресорка* «страна-агрессор», *мафіозна держава* «мафиозное государство», *правляча кліка* «правлящая банда».

Пример 8. *«Президент Росії Володимир Путін вперше відкрито заявив про кризу, з якою країна-агресорка стикається у війні проти України»*² («Президент России Владимир Путин впервые

¹ EU verurteilt Orbáns Kremlreise. »Wer wirklich Frieden will, schüttelt keinem blutigen Diktator die Hand« // Der Spiegel. URL: <https://www.spiegel.de/ausland/viktor-orban-bei-wladimir-putin-eu-empuert-wer-frieden-will-schuetzelt-keinem-diktator-die-hand-a-13568ff9-583f-40c5-aebc-01453b69387e> (дата обращения: 10.08.2024).

² Лаб'як І. Путін відкрито заявив про "кризу" у війні проти України // ТСН. URL: <https://tsn.ua/politika/putin-vidkrito-zayaviv-pro-krizu-u-viyni-proti-ukrayini-2643243.html> (дата обращения: 10.08.2024).

открыто заявил о кризисе, с которым **страна-агрессор** сталкивается в войне против Украины»).

Помимо эвфемизмов, дисфемизмов и перифраз, в исследуемых статьях были выявлены слова с оценочной, экспрессивной и эмоциональной коннотацией.

Использование лексем с оценочной коннотацией предполагает отклонение от нейтральной нормы, а наличие в таких лексемах эмоциональной или экспрессивной коннотации усиливает их воздействующий потенциал.

Оценочность позволяет не только информировать читателя о происходящих событиях, но и воздействовать на эмоции и чувства, формировать позитивное или негативное отношение к передаваемой информации у реципиента. Так, в статьях, нацеленных на поддержание антироссийской информационной войны, лексемы с оценочной экспрессивной и эмоциональной коннотацией служат для создания негативного образа России и российского лидера, правящей элиты и армии.

Пример 9. *“They make an odd couple. One is smiley-faced and chubby. The other is thin-lipped and scowls a lot. Both are dictators, sinister, brutal and unaccountable in their different ways”*¹ («Они составляют странную пару. Один (лидер КНДР Ким Чен Ын – прим. авторов статьи – Ю. К., Е. К., С. Ш.) – улыбчивый и круглолицый. Другой (Президент РФ В. В. Путин – прим. авторов) – часто **хмурый и с тонкими губами**. Оба – **диктаторы, зловещие, жестокие и необъяснимые**, каждый по-своему»).

Пример 10. *“Es sind Bilder, die ein weiteres Mal beweisen, wie **grausam und barbarisch** Kreml-Chef Wladimir Putin (71) in seinem Angriffskrieg gegen die Ukraine*

*vorgeht”*² («Эти фотографии (фотографии разрушенной детской больницы в Киеве – прим. авторов статьи – Ю. К., Е. К., С. Ш.) ещё раз доказывают, насколько **жесток и бесчеловечен** кремлёвский босс Владимир Путин (71) в его агрессивной войне против Украины»).

Пример 11. *«У прифронтовых державах НАТО нарастают побоювання, що **кривавий** російський диктатор Володимир Путін може вдатися до провокацій та перевірити рішучість НАТО»*³ («В прифронтовых государствах НАТО нарастают опасения, что **кровавый** российский диктатор Владимир Путин может прибегнуть к провокациям и проверить решительность НАТО»).

Таким образом, совокупное количество лексических средств речевого воздействия составляет 28 единиц (80%), из которых 6 эвфемизмов (17,1%), 10 дисфемизмов (28,6%), 5 перифраз (14,3%) и 7 лексем с оценочно-экспрессивной коннотацией (20%). Анализ статей СМИ на английском, немецком и украинском языках показывает, что в антироссийской информационной войне преобладают дисфемизмы, что обусловлено особенностями восприятия информации реципиентом: информация с негативным оттенком вызывает больше эмоций у адресата, что способствует лучшему усвоению информации и манипуляции сознанием в дальнейшем. С помощью дисфемизмов возможно произвести воздействие и управлять поведением реципиента, используя языковые средства. Частотность использования данных средств в западных и украинских СМИ обусловлена их

¹ Tisdall S. Putin and Kim are the odd couple with a dual mission – cementing a new world order // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/article/2024/jun/19/putin-kim-ukraine-war-north-korea-weapons-world> (дата обращения: 10.08.2024).

² Ukraine-Krieg: Putin bombardiert Kinderkrankenhäuser in Kiew // Bild. URL: <https://www.bild.de/politik/ausland-und-internationales/ukraine-krieg-fuenf-tote-bei-russen-angriffen-auf-kiew-668ba601935d-586554d90bed> (дата обращения: 10.08.2024).

³ Журавель М. Прифронтові держави НАТО побоюються нападу Путіна: названо сценарії розвитку подій // ТСН. URL: <https://tsn.ua/ato/prifrontoviderzhavi-nato-poboyuyutsya-napadu-putina-nazvano-scenariyi-rozvitku-podiy-2560552.html> (дата обращения: 10.08.2024).

единой целью – дискредитацией России на мировой арене, созданием негативно-го образа России, политических лидеров страны и армии и сокрытием истинных целей проведения Специальной военной операции.

Речевые средства воздействия в рамках морфемного уровня

Речевые средства воздействия на морфемном уровне характеризуются употреблением аффиксов с оценочным значением. По мнению Е. А. Гаврильевой, «оценочность, положительная или отрицательная, представляет собой отклонение от нейтральной нормы, степень которого зависит от интенсификации оценочного значения». Автор считает, что наличие эмоциональной или экспрессивной коннотации в семантической структуре лексемы обуславливает увеличение степени отклонения от её нейтрального значения [14, с. 21].

В языке СМИ оценка имеет преимущественно негативную коннотацию, так как её основной целью являются воздействие на сознание массового реципиента информации, а также формирование определённой системы ценностей и поведения адресата. Негативная оценочность в языке медиа выражается с помощью словообразовательных средств. Так, И. Б. Голуб, подчёркивая значимость словообразования для системы языка, утверждает, что оно «является ярким источником речевой экспрессии благодаря богатству и разнообразию оценочных аффиксов» [15, с. 121].

Стоит отметить, что в анализируемых статьях СМИ преобладают суффиксы с субъективно-оценочной долей. Как отмечает В. А. Торопкина, «эти суффиксы служат для образования форм имён существительных, качественных прилагательных и наречий с эмоционально-экспрессивной окраской, выражающих отношение говорящего к предмету, качеству, признаку» [16, с. 163].

В украинских СМИ распространены слова со стилистически маркированным суффиксом *-щина(a)*, который в сочетании со стилистически нейтральными словами или именами собственными придаёт им значение социально-бытового явления или идейного течения, как правило, с негативной коннотацией, например, *Кремлівщина, Путінщина, Кадирівщина* («Кремлевщина», «Путинщина», «Кадыровщина»):

Пример 12. *«Путінщина починає тріщати по всіх імперських швах»¹* («Путинщина начинает трещать по всем имперским швам»).

Кроме того, украинский суффикс *-ія* (ия) употребляется для обозначения России с целью принизить значимость страны на мировой арене: *Московія* «Московия», *ерефія* «ерефия» – происходит от аббревиатуры «РФ» с негативным оценочным суффиксом *-ія*:

Пример 13. *«Нині невідомий точний кілометраж просування – рашистські «воєнкори» повідомляли раніше, що ерефія втратила контроль над одинадцятьма пунктами, зокрема Суджею»²*. («На данный момент точный километраж продвижения неизвестен – рашистские “военкоры” сообщали ранее, что ерефия потеряла контроль над одиннадцатью пунктами, в том числе над Суджей»).

В английских и немецких статьях СМИ распространены неологизмы с префиксом *anti-* со значением отрицания, а также префиксом *pseudo-*, придающим слову значение неискренности, ложности: *antirussische* «антироссийский», *antiwestliche* «антизападный», *anti-Putin* «антипутинский», *pseudo-republic* «псевдореспублика».

¹ Путінщина починає тріщати по всіх імперських швах // ТСН. URL: <https://tsn.ua/ato/publications/982-putinshchyna-pochynaie-trishchaty-po-vsikh-imperskykh-shvakh.html> (дата обращения: 10.08.2024).

² "Путін, пам'ягай!": росіяни верещать, що ЗСУ просуваються вглиб Росії – що відбувається // ТСН. URL: <https://tsn.ua/svit/putin-pamagi-rosiyani-vereschat-scho-zsu-prosuvayutsya-vглиb-rosiyi-scho-vidbuvayetsya-2637387.html> (дата обращения: 10.08.2024).

Пример 14. *“Die Regierungschefs des Anti-Putin-Bündnisses sind in Washington gelandet”*¹ («Лидеры **антипутинского** альянса прибыли в Вашингтон»).

Пример 15. *“Ukraine’s president also accused Russia of trying to create **pseudo-republics** to break his country apart”*² («Президент Украины обвинил Россию в попытке создать **псевдореспублики**, чтобы разделить страну»).

Кроме того, в англоязычных СМИ широко используются отсубстантивные существительные с суффиксами *-isation*, *-ism* в ироническом или пейоративном контексте с целью создания слов с негативной оценочностью. В немецком политическом медиадискурсе такие слова образованы при помощи суффиксов *-ismus*, *-ierung* с тем же значением, что и в англоязычных СМИ. Наиболее частотно такие слова образованы в сочетании с именем Президента РФ В. В. Путина: *putinisation*, *putinism*, *der Putinismus*, *die Putinisierung*.

Пример 16. *“Now Russia’s fate depends on **de-Putinisation**”*³ («Сейчас судьба России зависит от **де-Путинизации**»).

Пример 17. *“Die 22 Jahre **Putinismus** haben sich als verheerend erwiesen, nicht nur für die russische Politik, die Wirtschaft und die öffentliche Moral, sondern auch für die Kultur”*⁴ («22 года **Путинизма** оказались

разрушительными не только для российской политики, экономики и общественной морали, но и для культуры»).

Так, в анализируемых статьях СМИ было выявлено 7 единиц, или 20% средств воздействия на морфемном уровне из общего количества средств речевого воздействия на различных уровнях языковой иерархии. Среди неологизмов с оценочной коннотацией наиболее частотными являются те, которые созданы при помощи аффиксации. Данный способ словообразования позволяет словам приобретать оценочно-негативное значение посредством своей эмоциональной и субъективной окраски.

Заключение

Анализируемые речевые средства воздействия антироссийской информационной войны представлены в виде сводной таблицы (табл. 1).

Таким образом, анализ статей СМИ на английском, немецком и украинском языках, связанных с проведением СВО ВС РФ, показал, что наиболее частотными средствами речевого воздействия являются средства на лексическом уровне языковой иерархии, что обусловлено выразительным и экспрессивным потенциалом лексем, обладающих высоким уровнем валентности в отношении других единиц. Кроме того, речевые средства воздействия информационной войны против России на лексическом уровне способны оказывать воздействие на сознание и поведение реципиента за счёт своей ёмкости и лаконичности. Они создают устойчивые ассоциативные образы у реципиента информационного сообщения, что позволяет странам Запада и Украине вести антироссийскую информационную войну и пропагандистские нарративы, которые дискредитируют и демонизируют Россию, её политических лидеров и армию в миро-

beschädigen // Der Spiegel. URL: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/news-des-tages-buergergeld-gbt-in-russland-wm-in-katar-a-ee4250a4-bf2a-451c-9e7f-af225d5bc9a6> (дата обращения: 10.08.2024).

¹ Rühle M. O. Zum Nato-Gipfel in Washington: Hier landet das Anti-Putin-Bündnis // Bild. URL: <https://www.bild.de/politik/ausland-und-internationales/zum-nato-gipfel-in-washington-hier-landet-das-anti-putin-buendnis-668d9179997af21bf2400252> (дата обращения: 10.08.2024).

² Invaders ‘cannot conquer us’, Zelenskiy says, as 13,000 flee besieged cities – as it happened // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/live/2022/mar/12/ukraine-news-russia-war-ceasefire-broken-humanitarian-corridors-kyiv-russian-invasion-live-vladimir-putin-volodymyr-zelenskiy-latest-updates-live> (дата обращения: 10.08.2024).

³ Shishkin M. Neither Nato nor Ukraine can de-Putinise Russia. We Russians must do it ourselves // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/mar/28/nato-ukraine-vladimir-putin-russia-democratic-national-guilt> (дата обращения: 10.08.2024).

⁴ Russland stellt »LGBT-Propaganda« unter Strafe – und wird dadurch auch die Arbeit vieler Kulturschaffender

Таблица 1 / Table 1

Речевые средства воздействия в антироссийской информационной войне на лексическом и морфемном уровнях языковой иерархии / Speech means of influence in the anti-Russian information war at the lexical and morphemic levels of the language hierarchy

Речевые средства	Количество речевых средств (ед.)	Количество речевых средств (%)	Общее количество средств по уровню (ед.)	Общее количество средств по уровню (%)
Лексический уровень				
Эвфемизм	6	17,1	28	80
Дисфемизм	10	28,6		
Перифраза	5	14,3		
Лексемы с оценочной коннотацией	7	20		
Морфемный уровень				
Слова с оценочными аффиксами	7	20	7	20
Общее количество			35	100

вом сообществе. Исследование речевых средств воздействия в рамках различных уровней языковой иерархии позволит в дальнейшем сформировать комплекс

контрмер для защиты реципиентов от антироссийской пропаганды, развёрнутой странами коллективного Запада и Украиной против России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильев А. Д., Подсохин Ф. Е. Информационная война: лингвистический аспект // Политическая лингвистика. 2016. № 2. С. 10–16.
2. Калинин О. И., Приходько М. В. Информационная война: коммуникативный, дискурсивный, когнитивный и культурно-идеологический аспекты // Военно-филологический журнал. 2023. № 1. С. 23–36.
3. Калинин О. И. Основы лингвопрагматического исследования политического имиджа: монография. М.: КноРус, 2018. 148 с.
4. Кульнина Е. А. Лингвистический анализ как средство изучения особенностей построения и понимания различных видов текста // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2021. № 5 (158). С. 40–43.
5. Диттрих А. Г. Современные области прагмалингвистических исследований // Вопросы современной лингвистики. 2023. № 4. С. 42–52. DOI: 10.18384/2949-5075-2023-4-42-52.
6. Князева Е. Г., Курбакова С. Н. Философские и лингвистические аспекты изучения речевой коммуникации // Коммуникация в современном поликультурном мире: массовая коммуникация и языковая личность: ежегодный сборник научных трудов. Вып. 5. М.: PEARSON, 2017. С. 119–128.
7. Иссерс О. С. Речевое воздействие: учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью». М.: ФЛИНТА, 2009. 224 с.
8. Барбун В. В. Речевое воздействие как предмет лингвистических исследований // Говор: Альманах. 2023. № 5. С. 55–57. DOI: 10.48612/govor/dvt5-k92a-z13n.
9. Коршунов Д. С. Система языка и парадигмы языкознания: проблемы соответствия // Вестник Череповецкого государственного университета. 2015. № 8 (69). С. 63–67.
10. Салимова Р. М. Фонологические подходы к изучению фонемы как многогранной единицы языка // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 15. № 1. С. 16–23. DOI: 10.14529/ling180103.
11. Дегтярёва А. Р., Осадчий М. А. К вопросу о функциональной классификации эвфемизмов русского языка // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 2. С. 128–132.

12. Москвин В. П. О разновидностях перифразы // Русский язык в школе. 2001. № 1. С. 74–77.
13. Лыскова Т. В. Субстантивные перифразы в современном публицистическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киров, 2012. 26 с.
14. Гаврильева Е. А. Реализация оценочной коннотации при переводе информационных текстов СМИ // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 9: Исследования молодых учёных. 2017. № 15. С. 21–25.
15. Голуб И. Б. Стилистика русского языка: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Журналистика»; 7-е изд. М.: Айрис-пресс, 2006. 441 с.
16. Торопкина В. А. Прагматические аспекты современного медийного словотворчества: новообразования как средство речевого воздействия // Социокультурные и лингвопрагматические аспекты современных словообразовательных процессов: коллективная монография. М.: ОО ФЛИНТА, 2018. С. 156–191.

REFERENCES

1. Vasiljev, A. D. & Podsokhin, F. Y. (2016). Information warfare: linguistic aspect. In: *Political linguistics*, 2, 10–16 (in Russ.).
2. Kalinin, O. I. & Prikhodko, M. V. (2023). Information war: communicative, discourse, cognitive and cultural-ideological aspects. In: *Journal of Military Philology*, 1, 23–36 (in Russ.).
3. Kalinin, O. I. (2018). Fundamentals of linguopragmatic research of political image. Moscow: KnoRus (in Russ.).
4. Kulnina, E. A. (2021). Linguistic and stylistic analysis as a means of studying the peculiarities of the composition and comprehension of different types of text. In: *Ivzestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 5 (158), 40–43 (in Russ.).
5. Dittrikh, A. G. (2023). The modern fields of pragmalinguistics research. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 4, 42–52. DOI: 10.18384/2949-5075-2023-4-42-52 (in Russ.).
6. Knyazeva, E. G. & Kurbakova, S. N. (2017). Philosophical and linguistic aspects of research into speech communication. In: *Communication in the modern multicultural world: mass communication and linguistic personality. Iss. 5*. Moscow: PEARSON publ., pp. 119–128 (in Russ.).
7. Issers, O. S. (2009). *Speech influence*. Moscow: FLINTA publ. (in Russ.).
8. Barbun, V. V. (2023). Speech influence as a subject of linguistic research. In: *Govor: Almanac*, 5, 55–57. DOI: 10.48612/govor/dvt5-k92a-z13n (in Russ.).
9. Korshunov, D. S. (2015). The system of language and paradigms of linguistics: problems of correspondence. In: *Cherepovets State University Bulletin*, 8 (69), 63–67 (in Russ.).
10. Salimova, R. M. (2018). Phonological approaches to study phoneme as a complex linguistic unit. In: *Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics*, 15 (1), 16–23. DOI: 10.14529/ling180103 (in Russ.).
11. Degtyareva, A. R. & Osadchiy, M. A. (2012). The euphemism as a tactic of legal and ethical risk avoidance in public communications. In: *Bulletin of Kemerovo State University*, 2, 128–132 (in Russ.).
12. Moskvina, V. P. (2001). On the varieties of periphrase. In: *Russian language in school*, 1, 74–77 (in Russ.).
13. Lyskova, T. V. (2012). *Substantive periphrases in modern journalistic discourse* [dissertation]. Kirov (in Russ.).
14. Gavril'yeva, E. A. (2017). Implementation of the evaluative connotations in the translation of mass media texts. In: *Science Journal of Volgograd State University. Young Scientists' Research*, 15, 21–25 (in Russ.).
15. Golub, I. B. (2006). *Stylistics of the Russian language*. Moscow: Ayris-press publ. (in Russ.).
16. Toropkina, V. A. (2018). Pragmatic aspects of modern media word creation: new formations as a means of speech influence. In: *Sociocultural and linguopragmatic aspects of modern word-formation processes*. Moscow: FLINTA publ., pp. 156–191 (in Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Кузнецова Юлия Александровна (г. Москва) – старший преподаватель кафедры иностранных языков Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации;

<https://orcid.org/0009-0001-4716-9773>; e-mail: yulya.perekhod@mail.ru

Князева Елена Георгиевна (г. Москва) – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации;

<https://orcid.org/0009-0003-1244-4995>; e-mail: i7201224@gmail.com

Шермазанова Светлана Викторовна (г. Москва) – кандидат социологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации;

<https://orcid.org/0009-0002-4447-3793>; e-mail: Shermazanova@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yulia A. Kuznetsova (Moscow) – Senior Lecturer, Department of Foreign Languages, Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation;

<https://orcid.org/0009-0001-4716-9773>; e-mail: yulya.perekhod@mail.ru

Elena G. Knyazeva (Moscow) – Dr. Sci. (Philology), Prof., Departmental Head, Department of Foreign Languages, Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation;

<https://orcid.org/0009-0003-1244-4995>; e-mail: i7201224@gmail.com

Svetlana V. Shermazanova (Moscow) – Cand. Sci. (Sociology), Assoc. Prof., Prof., Department of Foreign Languages, Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation;

<https://orcid.org/0009-0002-4447-3793>; e-mail: Shermazanova@yandex.ru